

видимо, настолько популярная среди балканских страдиотов, что она удостоилась даже специфического собственного названия²⁰.

Те из византийских и балканских конников, кто не имел металлической брони, носили стеганую одежду, нередко покрытую шелком, которая при этом могла скрывать металлические защитные элементы военного костюма. Точно так же, как в Италии, где всадническое «копье» состояло из трех человек: двух латников и одного паж. Похожую организацию имела и конница страдиотов. В Италии первый латник носил более тяжелое вооружение и считался главной ударной силой, второй был оруженосцем, но, несмотря на более легкий доспех, тоже относился к тяжеловооруженным всадникам, тогда как паж на поле боя играл лишь вспомогательную роль. В Византии первый кавалерист имел кирасу и латы, его «сквайр» (помощник-слуга) мог иметь кольчужные доспехи, и даже простой «войник» (воин) мог надеяться получить защитную броню²¹.

Естественно, что после завоевания Константинополя турками их влияние, в том числе и в отношении вооружения всадников и пехотинцев, проявилось на Балканах особенно сильно. Тех же страдиотов, нанятых на службу в армии европейских государств, описывают уже «одетыми как турки», и вооружение у них было соответствующее, хотя восточных тюрбанов они и не носили²².

Примечания

¹ См.: *Boss R.* Justinian's wars. L.: Montvert, 1993. P. 72.

УДК 94(47).043+303.44]6.4(44)+929[Левек+Иван Грозный]

П.-Ш. ЛЕВЕК ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Э.В. Ильиченко

Саратовский государственный университет
E-mail: coursistca@rambler.ru

В центре внимания автора – освещение правления Ивана IV Грозного П.-Ш. Левеком на страницах его «Российской истории». Левек стал первым из французских историков, кто попытался не только дать критическую оценку эпохи, но и объективно взглянуть на личность русского самодержца XVI века.

Ключевые слова: Иван IV, П.-Ш. Левек, М.М. Щербатов, самодержавие, Россия, Просвещение.

P.-Sh. Leveque about Ivan the Terrible

E.V. Ilichenko

The author focuses on the lighting the reign of Ivan IV the Terrible by P.-Sh. Leveque on the pages of his «Russian History». Leveque was the first of the French historians who have tried to not only to give a critical assessment of the era, but also have tried to make an objective look at on the personality of the Russian autocrat of the XVI century.

² См.: *Nicolle D.* Warfare and technology // *Medieval world*. 1992. May/June. P. 49.

³ *Ibid.* P. 49.

⁴ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies 4th–9th centuries. L.: Osprey (Men-at-arms series № 247), 1992. P. 45.

⁵ *Ibid.* P. 46.

⁶ См.: *Nicolle D.* Yarmuk 636 AD. L.: Osprey (Campaign series № 31). 1994. P. 30–31.

⁷ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 24–25.

⁸ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 53.

⁹ См.: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 26.

¹⁰ См.: *Nicolle D.* Warfare and technology... P. 54.

¹¹ См.: *Гравемт К., Николь Д.* Норманны. Рыцари и завоеватели / пер. с англ. А. Колина. М., 2007. С. 59.

¹² См., например: *Nicolle D.* Romano-Byzantine armies... P. 48.

¹³ См.: *Nicolle D.* Armies of Medieval Russia 750–1250. Oxford: Osprey (Men-at-arms series № 333), 1999. 48 p.

¹⁴ См.: *Nicolle D.* Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. L.: Greenhil Books, 1999. Vol. 1, 2. Vol. 2. P. 41, 359.

¹⁵ *Ibid.* P. 44, 361.

¹⁶ *Ibid.* P. 44, 362, 364.

¹⁷ *Ibid.* P. 48, 364.

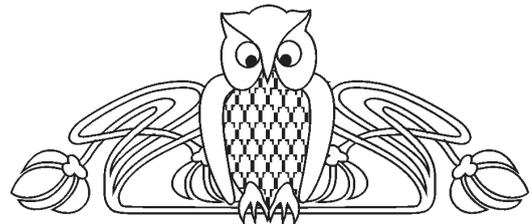
¹⁸ *Ibid.* P. 33, 351.

¹⁹ См.: *Nicolle D.* Last Roman elite // *Military illustrated*. 1999. № 134. P. 34.

²⁰ *Ibid.* P. 35.

²¹ *Ibid.* P. 36.

²² См.: *Nicolle D.* Hungry and the fall of Eastern Europe 1000–1568. L.: Osprey (Men-at-arms series № 195), 1988. 48 p.

Key words: Ivan IV, P.-Sh. Leveque, M.M. Shcherbatov, autocracy, Russia, enlightenment

П.-Ш. Левек – французский ученый эпохи Просвещения, его «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции.

Левек был первым из французских авторов, кто подошел к рассмотрению эпохи царствования Ивана Грозного с серьезным намерением ее объективного исследования с использованием первоисточников, русских и иностранных свидетельств. Левек был одним из немногих, кто попытался отойти от преобладавших в европейской литературе XVIII в. однозначных характеристик русского средневекового общества как царства «тирании»,

«гнусного рабства», «жестокости» и т.п. Французский историк стремился вникнуть в реальное положение дел в средневековой Руси и объяснить причины складывания стереотипов и негативных образов во взглядах на эту эпоху. Оценка деятельности Ивана IV представляла для автора большой интерес и одновременно сложность.

Критичный в своих выводах, П.-Ш. Левек постарался привлечь обширный комплекс источников и представить перед читателями личность Ивана IV и его деятельность во всей их сложности и неоднозначности¹.

Среди основных источников, использованных Левеком при воссоздании времени правления Ивана IV, фигурировали переписка царя с князем Курбским², «Книга Степенная», «Царственная книга», а также упоминались «польские источники». Особое место заняли иностранные сочинения, среди которых «Описание Московии» А. Гваньини, «Записки о московитских делах» С. Герберштейна, «Московия» А. Поссевино, труды С. Пуфендорфа, П. Одерборна. Кроме того, Левек обращался к документальным изданиям (среди них «Судебник» Ивана Грозного)³. Французский автор подробно ознакомился с «Казанской историей» и «Введением к Астраханской топографии» П.И. Рычкова, привлекал публикации «Древней Российской Вивлиофики» Н.И. Новикова и «Ежемесячные сочинения» Г.Ф. Миллера⁴.

В «Российской истории» Левека полные ссылки на использованные источники иногда заменялись лишь упоминанием имени автора или первым словом названия труда. В частности, не ясно, каким именно документом пользовался Левек, оставляя на полях лишь краткую ссылку – «князь Курбский».

В соответствующей характеристике источника по «Каталогу книг» Левека фигурирует «*Описание князя Курбского (история царя Ивана Васильевича, написанная князем Курбским)*». Судя по характеристике, данное наименование подразумевало два источника: «Историю о великом князе Московском» и переписку князя Курбского с Иваном Грозным⁵.

«Историей» Курбского Левек пользовался при воссоздании сюжетов юности Ивана IV и начального периода его царствования⁶ (эти сведения не могли быть почерпнуты из переписки). Вероятно, Левек понимал пропагандистское значение этого труда и обращался к этому источнику лишь для реконструкции тех ситуаций, в которых проявился нрав самодержца. Возможно, французский автор хотел познакомить читателей с формированием характера Ивана Васильевича, в котором уживались две противоположных личности.

Что касается «Посланий»⁷, Левек очень ценил этот источник, характеризуя его как «исключительный рукописный памятник»⁸. Большим плюсом в глазах Левека было то, что сам Курбский – «свидетель большей части деяний, о которых повествует», а его корреспондент – главное дей-

ствующее лицо изложенных событий. Внимание Левека в этой переписке привлекла и позиция самого царя, «не гнушавшегося отвечать своему корреспонденту, не отрицавшего деяний, которые ему вменялись. В свое оправдание он приводил ответные претензии, опротестовывая описанные сюжеты»⁹.

Первым, кто обратил внимание на переписку Курбского и Ивана Грозного, был князь М.М. Щербатов¹⁰. Князь содействовал французским авторам, в частности, П.-Ш. Левеку и Н.Г. Леклерку, снабжая их материалами по российской истории, поэтому Левек активно использовал эти источники.

«История о великом князе Московском» и переписка Курбского с Иваном IV, представляющие нам главных действующих лиц и события эпохи, уже в XVIII в. привлекали внимание историков. Но в дальнейшем, когда «История Российская» Щербатова, как и «История» Левека, подверглись критике со стороны И.Н. Болтина и были дискредитированы в глазах русских читателей, критическое рассмотрение времени правления Ивана IV было отложено в русской историографии вплоть до Н.М. Карамзина. Во втором издании сочинений князя Курбского (1842) мы встречаем следующие слова издателя Н.Г. Устрялова: «До появления в свет IX тома “Истории государства Российского”, у нас признавали Иоанна Государем великим; видели в нем завоевателя трех царств и еще более мудрого, попечительного законодателя. Знали, что он был жестокосерд, но только по темным преданиям, и отчасти извиняли его во многих делах, считая их необходимыми для утверждения благодетельного самодержавия. Сам Петр Великий хотел оправдать его. Это мнение поколебал Карамзин»¹¹.

Карамзин, как и предшествовавшие ему Левек и Щербатов вместе с «Перепиской»¹² активно использовал «Историю» Курбского¹³. Не являясь первооткрывателем означенных источников, он не плутал, как иногда Щербатов, в их известиях. Идя по проторенной дороге, Карамзин стал, таким образом, вторым русским историком, использовавшим те же самые материалы. В этой связи, опровергая Н. Устрялова, можно заключить, что первыми развеять стереотипные представления о фигуре Ивана IV пытались именно Левек и Щербатов.

Среди обширного комплекса источников не последнее место в критическом представлении внутренней политики Ивана Грозного на страницах «Истории» Левека заняли свидетельства иностранных авторов, в основном тех, кто лично побывал в России в правление этого государя. Многие из этих сочинений использовались Левеком параллельно со свидетельствами Курбского. Среди них «Описание Московии» А. Гваньини¹⁴, «автора, сообщавшего подробности бесчинств царя Ивана Васильевича, ... знакомого с хроникой князя Курбского, из которой перевел некоторые

отрывки»¹⁵. Гваньини интересовал широкий круг вопросов: введение опричнины, уничтожение политических противников государя, описание русских городов и владений, религиозные обряды, обычаи и нравы жителей. Левек предположил, что автор «смог получить много подробностей от русских, которые рассказывали в Польше о жестокости их правителя, и, возможно, общался с самим князем Курбским»¹⁶. Зная это, можно допустить, что Гваньини находился под влиянием суждений Курбского. Иногда Левек, приводя ссылки на полях, отсылал читателя сразу к обоим авторам, сравнивая их сообщения.

Отдельно французский историк отметил «Записки» Сигизмунда Герберштейна, которые, по его словам, «были качественнее всего, написанного впоследствии, в XVI веке, иноземцами о России на латинском языке»¹⁷.

Среди иностранных памятников резко тенденциозного характера отмечен Левеком труд П. Одерборна «История жизни Ивана Васильевича», о котором было сказано: «это скорее жестокое выступление против царя, чем история о нём. В произведении царит великий беспорядок, и этот недостаток не восполнен точностью фактов»¹⁸.

Остается открытым вопрос о первенстве введения в научный оборот переписки князя Курбского, а также ряда иностранных сочинений, таких как «Московское описание» Гваньини и «История» Одерборна. А.А. Зимин оставлял первенство за Карамзиным¹⁹. В то время как уже Щербатов (1789), использовавший Курбского, обращался к труду Левека²⁰ (1782), который также ссылался на Гваньини и Одерборна.

У Щербатова и Левека можно найти сходные суждения о роли личности в историческом развитии, о монархе, направляющем судьбы народов. Оба сходились на том, что творцом истории является монарх. Но не всегда его влияние на судьбу народа было положительным фактором. В особенности, когда монарх устраивал бессмысленные массовые казни или, «следуя своим капризам», даровал титулы или отнимал их вместе с жизнью. Левек находил подтверждение своим мыслям у князя Курбского, «который хорошо знал своих сограждан», и приходил к заключению, что «традиции народа требовали подобного правительства»²¹. Как писал Левек, вокруг царя были рабские нравы: «Представители знати, дворяне, зачастую при небольшой провинности безжалостно получали удары кнута на глазах царя, и после подобных наказаний, падая ниц к его ногам, говорили “Живите и счастливо царствуйте”...»²².

Кратко изложив события начального периода правления Ивана IV, Левек более подробно писал о субъективных факторах, которые повлияли на изменение вектора внутренней политики Ивана Грозного. Но французский автор не замыкался на трактовке опричнины как результата действия только психологических факторов – «ужасной

перемены в душе царя», произошедшей после смерти его первой жены Анастасии и заговоров, существовавших «единственно в смутном уме царя», как это позднее отмечалось у Карамзина. Три главные составляющие, по мнению Левека, способствовали появлению опричнины: личные качества царя, влияние его близкого окружения и состояние русского общества того периода.

Левек рассуждал, как истинный представитель французского Просвещения, что для общества, где рабство было нормой, и люди осознавали себя рабами, «опричнина» была закономерным явлением. «Такие люди должны были сделать из своих князей тиранов. Иван им был. Мы увидели доказательства его жестокости в обращении с теми, кого он подверг испытаньям, – жителями Новгорода и Твери, а позднее – знатью, которую он подозревал в измене»²³.

Возможно, историку приходила мысль, что для такого состояния общества была необходима сильная и властная рука, способная управлять непросвещенным народом, отягощенным многими суевериями и предрассудками. Но методы, применяемые Иваном Грозным, не импонировали Левеку.

Левек приходил к выводу: «Никогда никакой правитель не распространял настолько свою власть ... Когда ему подавали прошения, он напыщенно отвечал: *Я это сделаю, если бог повелит*. Всегда он, казалось, действовал по вдохновению, и смог убедить народ, что любые его деяния были предписаны небом. Как бы плохо, безумно и неосмотрительно он ни действовал, поступки его почитали за святость... Возможно, его господство проистекало от русского обычая говорить, когда они не знали чего-то: *Бог это знает и Царь*. Он жестоко карал за серьезные проступки, он применял бесчестье, наказывая за мелкие оплошности»²⁴.

Тяжелый характер царя Ивана отразился не только на судьбах подданных, но и привел к трагедии внутри его собственной семьи – убийству собственного сына. Левек объяснял эту драму подозрениями царя по поводу готовящегося заговора в пользу его сына; царь не сдерживал своего возмущения и «заставил умертвить как заговорщиков, так, главным образом, тех, кто ему высказал неосторожные суждения. Царевич... попытался оправдываться и бросился к ногам своего отца. Но Иван нанес ему удар, от которого молодой принц умер по истечении четырех дней»²⁵.

Ссылаясь на князя Курбского, знавшего государя с юных лет, Левек писал: «Царь хладнокровно совершал такие ужасы, которые диктовались излишками его жестокости, оживленными ненавистью или подозрительностью! Русские по своей природе склонны к злословию друг на друга; и Царь использовал против них этот недостаток; напрасные пересуды, которые он слышал или о которых ему сообщили, служили поводами губить людей, ненавистных ему или подозритель-

ных»²⁶. Таким образом, Левек находил определенные объективные основания поведения царя в обычаях и нравах русского народа.

Еще одним элементом, способствовавшим проведению репрессивной политики Ивана Грозного, Левек считал влияние окружения царя – «опричников, которые постоянно ... провоцировали его жестокость»²⁷.

Во многом вина за свершенные преступления эпохи опричнины была возложена Левеком на самих опричников: «весьма искусные в использовании слабостей своего господина, ... они искали случая преумножить его недоверие, сочиняли все новые и новые заговоры, побуждая его подозревать подданных самых наивернейших, а в награду за эти отвратительные услуги делили между собой имущество жертв, на которых сами же указали»²⁸. Если Карамзин видел в опричниках лишь «отряд личных телохранителей» государя²⁹, то Левек высказал мысль, которая окажется плодотворной для российской историографии: «Опричники были началом новых дворян, происхождение которых всё еще не забыто»³⁰. Французский историк выделял «посредственное происхождение» опричников, по причине которого им было запрещено родниться с известными семьями. Именно «неясность происхождения, – продолжал Левек, – сопровождавшаяся естественной ненавистью к представителям родовой знати, была использована Иваном IV в качестве инструмента его реакционной политики»³¹.

Итак, историк видел в опричниках представителей нового привилегированного слоя, противопоставленного старой аристократии.

Именно опричники, по мнению Левека, преподнес царю версию заговора, которой тот «не преминул воспользоваться», стали «главными виновниками разорения несчастного города (Новгорода. – Э.И.)»³². Опираясь на сведения польских повествователей, Левек не отрицал существования мятежных проектов у отдельных высокопоставленных лиц в Новгороде, склонных поддерживать Польшу. Но вместе с тем автор утверждал, что «Новгород не заслужил судьбы, уготованной ему Иваном»³³.

Так или иначе, стремление Ивана Грозного к усилению самодержавной власти рассматривалось французским историком как явление вполне закономерное – не случайно он, вслед за А. Поссевино, проводил прямую параллель между Иваном IV и Людовиком XI³⁴. Подобное сравнение двух монархов позже появится и у И.Н. Болтина. Но если Болтин ограничился только констатацией: «... ничего не может быть сходнее сих Государей, как в характере, деяниях, так и в обстоятельствах их жизни»³⁵, то Левек развивал свою мысль: преподнес в характере сочетание, казалось бы, несоединимых качеств: «Среди его жестокости и распутства, имела место необыкновенная набожность князя, что не было единственным сходством его с нашим Людовиком XI. Он ежедневно и многократно ходил в церковь,

молился там ревностно и покидал алтари, чтобы устраивать массовые убийства. Усердно соблюдал все предписанные посты, а затем погружался в наиболее грязный разгул, наконец, разрываемый между преступлениями тирании и практикой набожности, он внушал своим подданным столько же почтения, сколько и страха...»³⁶.

Из повествования французского историка следовало, что правление русского царя не могло быть однозначно оценено. В «Российской истории» Левека отсутствует характерная для дворянских историков XVIII в. идеализация московского «единодержавия», но в нем нет и безоговорочного осуждения его как «тиранического варварства».

Левек не желал концентрировать свое внимание только на одной ипостаси царя-деспота. Французский историк выделял и вторую сторону личности Ивана: законодателя, реформатора, покровителя торговли и искусств. «Русские поддерживали слишком мало связей с другими народами и были погружены в незнание. Иван это чувствовал и хотел их просветить. Он приглашал в Москву иностранцев ..., и был, – как считал Левек, – первым правителем России, который содержал при своем дворе иностранных врачей»³⁷. Особую роль «всегда внимательного к нуждам империи» Ивана IV, Левек видел в выстраивании торговых сношений с соседними государствами³⁸. Одним из подтверждений стала организация в Нарве торгового дома для иностранцев³⁹.

Левеку казалось невероятным, что «Россия вплоть до XVI века не имела никакого законодательного документа»⁴⁰, поэтому принятие Судебника (1550 г.) было оценено им как значительный шаг вперед, ведь «нация может быть счастливой благодаря хорошим законам...»⁴¹. Весьма взвешенная общая оценка деятельности Ивана IV не мешала Левеку делать неожиданные выводы, представляя царя как своего рода просветителя.

Вопросам внешней политики в царствование Ивана IV, по мнению Левека, могло быть посвящено отдельное сочинение. Немаловажным, по мнению французского историка, было то, что в последние годы правления Грозного происходили события более значительные в историческом плане для судеб России, чем поражение в Ливонской войне. На эти события и переключается Левек в своем повествовании: отдельная глава его «Истории» посвящена открытию дороги в Сибирь⁴².

Французский историк признавал в Иване IV неординарного государственного деятеля и крайне сложную и противоречивую личность. Несмотря на определенные перегибы в его внутренней политике, достижениями царя, по мнению историка, следовало считать территориальные расширения русских земель, реформы государственного управления и законодательства.

В результате русский царь предстает у Левека «колоритной» и неоднозначной фигурой, личностью, в которой представлено как бы два различных человека. С подобным явлением исто-

рик столкнется еще раз, рассматривая правление Петра I. Не случайно в своем повествовании о времени Ивана IV Левек периодически обращался к книге сербского историка З. Орфелина «Житие и славные дела Петра Великого» (СПб., 1774, Т. 1–2)⁴³. Читатель «Истории» Левека может заметить параллели, проводимые автором между характерами и деяниями Ивана Грозного и Петра I. В «Российской истории» Левека, разделявшего безграничную веру просветителей в прогресс и мнение о том, что каждая страна идет к нему своим путем, преодолевая определенные препятствия, эпохи Ивана Грозного и Петра I рассматриваются как особый, испытательный этап на пути строительства «новой России». Цена прогресса не смущала автора, пусть даже она измерялась сотнями человеческих жизней⁴⁴.

В издании «Истории» 1800 г. в разделе «Итоги царствования Ивана Васильевича» французский историк поместил ряд обобщающих высказываний о жизни и деятельности Ивана Грозного, «жестокость которого оттеняла все его дарования и все его значимые достоинства... Нельзя забывать, – продолжал автор, – о многочисленных преступлениях этого государя, столь капризного, гневливого, столь мстительного, жестокого, но даровавшего своим подданным справедливые законы и призвавшего иностранцев, чтобы просветить свою нацию...»⁴⁵. В конечном итоге историк высказал искреннюю веру в то, что, несмотря на все тяготы правления Ивана IV, Россия в дальнейшем займет достойное место среди просвещенных народов Европы.

Примечания

- 1 Позднее, возможно под влиянием «Истории» П.-Ш. Левека, к такой же неоднозначной характеристике личности Ивана IV придет и М.М. Щербатов при написании 5-го тома своей «Истории Российской».
- 2 Левек пользовался рукописным вариантом. Переписка Ивана IV с князем Курбским и «История о великом князе Московском» Курбского впервые будут опубликованы Н.Г. Устряловым лишь в XIX в. (1833).
- 3 Перечень источников был представлен в «Каталоге книг», помещенном в первом томе «Российской истории». См.: *Catalogue raisonné des principaux ouvrages qui ont servi à la composition de l'histoire de Russie* // *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Yverdon, 1783. Т. 1. Р. XVI–XXXVI.
- 4 То есть, фактически, Левек пользовался собранными ранее Г.Ф. Миллером, Н.Н. Бантыш-Каменским и М.М. Щербатовым архивными материалами.
- 5 См.: *Catalogue raisonné...* Р. XX.
- 6 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie*. Hambourg et Brunswick. 1800. Т. 3. Р. 19, 21. «История о великом князе Московском» (1573) – политический памфлет, написанный с осуждением политики усиления самодержавной власти.
- 7 В период с 1564 по 1579 г. князь Курбский направил Ивану IV три письма, в которых обвинял его в жестокости и неоправданных казнях.
- 8 *Catalogue raisonné...* Р. XX.
- 9 *Ibid.*
- 10 С 1768 г. Щербатов активно работал с летописями и архивными документами, официально состоя в Канцелярии Её Императорского Величества.
- 11 Сказания князя Курбского. Издание второе, исправленное и дополненное Н.Г. Устряловым. СПб., 1842. С. XXX (1-я пагинация).
- 12 См.: *Карамзин Н.М. История государства Российского* Н.М. Карамзина. СПб., 1853. Т. IX. С. 4, 6–11, 42.
- 13 *Карамзин Н.М. История...* СПб., 1852. Т. VII. С. 66, 70, 86–87; СПб., 1853. Т. VIII. С. 29, 31–32, 38, 43–44, 46; СПб., 1853. Т. IX. С. 67, 72, 103, 113–114.
- 14 Александр Гваньини (1538–1614), военный инженер на польской королевской службе, с 1569 по 1587 г. комендант г. Витебска.
- 15 *Catalogue raisonné...* Р. XXIX.
- 16 *Ibid.*
- 17 *Ibid.* Р. XXVIII. Барон Сигизмунд Герберштейн, немецкий дипломат и путешественник, выпустивший в 1549 г. книгу «Записки о московитских делах».
- 18 *Ibid.* Р. XXIX.
- 19 См.: *Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного*. М., 1964. С. 12.
- 20 См.: *Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен*. СПб., 1789. Т. 5. Ч. II. С. 17, 18, 67, 331.
- 21 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 168.
- 22 *Ibid.* Р. 168–169.
- 23 *Ibid.*
- 24 *Ibid.* Р. 166; Ср.: *Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России* Г. Леклерка: в 2 т. СПб., 1788. Т. 1. С. 311. По словам Левека, эти рассуждения были заимствованы им у князя Щербатова, но, судя по контексту, полностью соответствовали его собственным размышлениям.
- 25 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 111.
- 26 *Ibid.* Р. 174.
- 27 *Ibid.* Р. 76.
- 28 *Ibid.* Р. 75–76.
- 29 *Карамзин Н.М. История государства Российского*. СПб., 1831. Кн. 3. Т. 9. С. 47.
- 30 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 76. Как указал в сноске сам Левек: «У меня был некоторое время на руках список этих опричников».
- 31 *Ibid.* Р. 75.
- 32 *Ibid.* Р. 80.
- 33 *Ibid.*
- 34 *Ibid.* Р. 151.
- 35 *Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России* Г. Леклерка. С. 309.
- 36 *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie...* 1800. Т. 3. Р. 151. Более категоричную характеристику этим правителям дал Н.М. Карамзин: «Людовик XI ... не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно

Азиатским и Римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка ...». См.: *Карамзин Н.М.* История... 1821. Т. IX. Гл. VII. С. 438-439.

- ³⁷ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 161–162. Как объяснял Левек, «привлеченные возможностью разбогатеть, триста мастеров различных специальностей: ювелиры, литейщики колоколов, оружейники, каменщики, художники, скульпторы, архитекторы, а также теологи, уже прибывшие в Любек, намеревались сесть на судно, отплывающее в Россию, но были остановлены интригами купцов г. Любека, и главным образом ливонцами, которые в дальнейшем испытали на себе злопамятство Царя».
- ³⁸ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 154–159.

- ³⁹ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 157.
- ⁴⁰ Ibid. Р. 152.
- ⁴¹ Ibid. Р. 153.
- ⁴² Материал для обширной главы Левек смог отобрать из различных трудов: «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, «Сибирская история» Фишера, «Описание земли Камчатской» Г. Стеллера и др. См.: *Catalogue raisonné...* Р. XVI – XXXVI.
- ⁴³ Это наиболее полная биография Петра I сербского автора З. Орфелина, выпущенная в 1774 г., вскоре стала библиографической редкостью. См.: *Мезин С.А.* Русский историк И.И. Голиков. Саратов, 1991. С. 3.
- ⁴⁴ См.: *Мезин С.А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 218–219.
- ⁴⁵ *Levesque P.–Ch.* Histoire de Russie... 1800. Т. 3. Р. 182.

УДК 94(73)/1901/1953

РОЛЬ ЗРЕЛИЩНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ДОСУГЕ АМЕРИКАНЦЕВ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ

М.А. Зайцева

Саратовский государственный университет
E-mail: gontarevama@mail.ru

В статье рассматривается роль зрелищных мероприятий в досуге американцев 1930-х годов, сделана попытка проанализировать причины изменений в укладе жизни американцев, произошедшие в период Великой депрессии, а также изучить факторы, объясняющие чрезвычайную популярность киноиндустрии среди всех слоев населения страны.

Ключевые слова: история США, Великая депрессия, экономический кризис, досуг, киноиндустрия, театр, Кодекс художественных фильмов США, Ф.Д. Рузвельт, М. Андерсон.

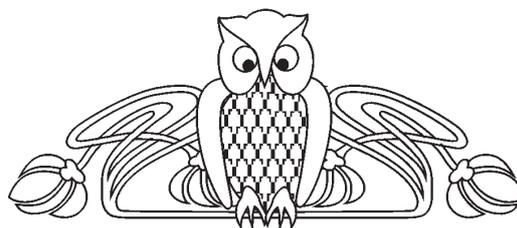
Entertainment as a Part of Leisure Activities in Lifestyles of Americans During Great Depression

М.А. Zaytseva

This article studies the role of entertainment in leisure of Americans in 1930s. It attempts to analyze the reasons for changes in the lifestyles of Americans during Great Depression and to investigate the factor which can explain the extraordinary popularity of film industry among different layers of American society.

Key words: USA history, Great Depression, economic crisis, leisure, film industry, theatre, Motion Picture Code USA, F.D. Roosevelt, M. Anderson.

Экономический кризис, разразившийся в Америке в 1929 г., принес с собой страх, отчаяние, безработицу, был чрезвычайно болезненно воспринят всеми американцами независимо от возраста, пола и социального статуса. Столь яркий и трагический, полный различными событиями и свершениями период времени не мог не вызвать интереса историков. Однако, как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке, чаще всего

рассматриваются экономические и политические проблемы кризисного десятилетия. Гораздо меньше внимание, как нам кажется незаслуженно, обращается на историю культуры, на изменения, произошедшие в сфере творчества и искусства.

Несмотря на проблемы, с которыми страна столкнулась в 1930-е гг., творческий потенциал нации не только не был уничтожен, но, наоборот, эта эпоха ознаменовалась величайшими достижениями американской культуры. Это время невозможно представить без джаза, гангстерских и музыкальных фильмов, радио и мультипликационных фильмов Диснея. Как отмечает Моррис Дикштейн: «Сочетая правдивость искусства с незамедлительным воздействием индустрии развлечений, эти работы открывают для нас сокровенные моменты неявной истории Великой депрессии, с ее печальным стремлением к лучшему, с верой в существование некоего места, расположенного в конце Дороги из Желтого Кирпича. Эти работы дают нам единственно возможные ключи к пониманию, кто владел умами и душами людей, о чем они мечтали»¹.

Не могут не вызвать интереса вопросы, касающиеся повседневной жизни обычных людей: как изменила депрессия их достаток, взгляд на жизнь, как они страдали и общались. Важной частью повседневной жизни американцев являлся досуг, поэтому не менее интересно проанализировать то, как американцы 1930-х гг. отдыхали, на что они тратили свое свободное время. Какое место в их досуге занимали бурно развивающаяся киноиндустрия и театр, который, с одной стороны, переживал состояние необычайного подъема,